

В. В. БОГДАНОВ

СКАЗКА О ДЕВИЧЬЕМ И МУЖИЧЬЕМ ЦАРСТВАХ ¹

Публикуемая здесь «сказка» была мне рассказана летом 1891 г. в тогдашнем Бельском уезде, Смоленской губ., во время моей первой этнографической экспедиции. Рассказчиком был, насколько могу припомнить, местный крестьянин, лет сорока-пятидесяти, бывалый человек, каждую весну нанимавшийся на сплав леса из Бельского уезда в Ригу, откуда лес шел за границу. Вспоминая, что это был большой мастер рассказывать разные местные «были» из жизни деревни, уездного города, помещичьих усадеб, монастырских келий, «лесных бирюков» (т. е. местных чиновников лесного ведомства) и других лиц. Эти рассказы сообщались мне как бы конфиденциально, не под диктовку, и в тот же день или на следующее утро записывались мной по памяти.

Рассказы эти были по тому времени «смелыми», и записывание их могло «не понравиться» местному начальству: исправнику, станovому, уездному предводителю дворянства и пр. Поэтому такие «опасные» записи я держал отдельно, оберегая их от глаз разных контролеров, которыми был окружен в тот холерный год. Однажды обстоятельства сложились так, что мне пришлось «опасные» записи уничтожить. Потом, уже по возвращении из экспедиции, я восстановил их по памяти, да и то не все и не сразу, тем более, что их набралось от разных рассказчиков из разных губерний много. Но и эти реконструированные мной записи были мной уничтожены, когда мне пришлось дать подписку о выезде из Москвы на время коронации Николая II. В конечном счете печатаемый текст есть уже третья реконструкция по памяти.

Припоминаю также, что отрывочные варианты той же «сказки» я слышал еще от двух крестьянских рассказчиков где-то севернее реки Березы в том же 1891 г. Один из них был юноша-крестьянин, другой — местный сельский учитель из крестьян.

* * *

В стародавние времена, на тех местах, где теперь русские мужики да бабы неладно живут, было два царства. Одно было царство мужичье — одни мужики без баб там жили, а другое было царство девичье — одни девки без мужиков там жили.

И протекала по край девичьего царства река Девица, широкая и глубокая, так что через Девицу-реку ни проходу, ни проезду не было. А по край мужичьего царства протекала река Воробей, невелика и мелка, — как говорится, старому воробью по колено. А меж этих двух рек, между Девицей-рекой и между рекой Воробьем, было чистое поле, одна ковыль-трава росла. И от Девицы-реки до реки Воробья надо было верхом на коне ехать три дня и три ночи, а на корове надо было ехать тридцать дней и тридцать ночей.

В мужичьем царстве у мужиков лошадей не было. Мужики все на коровах пахали и коров доили, а как корова состарится, то на мясо корову варили да ели.

В девичьем царстве у девок были только лошади, все — верховые, а коров у них не было. Девки все верхом по своему царству на конях скакали, и их кони, как лебеди, широкую да глубокую реку Девицу переплывали, за рекой девки в чистом поле своих коней ковыль-травой кормили, на конях по ковыль-траве скакали, разных птиц и зверей стрелой били, тем и кормились.

А жили тогда люди, мужики и бабы, в обоих царствах по сотне лет, по две сотни лет и больше, и не старились. Девке полтора-два лет, а она молодец-млодцом, кров с молоком.

Только вот однажды, когда девка Двасталежка переплыла с конем Девицу-реку и доскакала в три дня и три ночи до реки Воробья, она прилегла в ковыль-траве отдохнуть, а коня покормиться отпустила, сама заснула крепким забывающим сном.

Тем временем из мужичьего царства мужик Тристалежник на высокой сосне сидел и оттуда подглядел, что за рекой Воробьем в ковыль-траве девка лежит. А раньше он никогда девок в глаза не видал, а только слухом о них слышал. Сей-

¹ Записанная В. В. Богдановым «сказка» представляет собой, как это нетрудно установить, фантазию на тему известного рассказа Геродота о встрече амазонок со скифскими юношами (Геродот, IV, 110—117). Не составляя, таким образом, какой-либо новой или оригинальной версии широко распространенной в фольклоре многих народов амазонской легенды, данная «сказка» имеет большой фольклористический интерес.

час же слез с сосны этот мужик Тристалетник, вброд реку Воробей перешел, подошел к девке Двасталетке и давай ее разглядывать. А девка спит, как убитая.

А надеты были на девке Двасталетке только шаровары спускные, от пояса к ступне спускаются, да телогрейка-распашенка,— как халат, телогрейка надевается и на груди в распашку распахивается. На ногах — красные черевички.

Спустил мужик Тристалетник девке Двасталетке шаровары с пояса по самые красные черевички, а дальше шаровары и сами с ног совсем свалились, отворотил мужик телограйку-распашенку, всю грудь девкину наголо открыл и опять стал мужик девку разглядывать.

Разглядывал мужик девку, разглядывал, да и от разглядывания очумел. На очумелого мужика тут же и сон накатился, и сам он к девке поспать прилег. Спят они вместе, друг к дружке прижавшись, и что там с ними делается, ни мужик, ни девка не знают,— оба крепко спят.

Только мужик Тристалетник первый проснулся. Проснувшись, огляделся, да чувствует, что какая-то сила в него вошла, которой силы в нем никогда раньше не было. Он тихонько от девки пошел к реке Воробью, через реку Воробей перешел и к своим мужикам в деревню ушел. Сам никому о том, что девку видел и с девкой спал, не рассказывает.

Проснулась после этого и девка Двасталетка. Проснувшись, глядит: шаровары с ног спущены, белая грудь наголо раскрыта. Глядит, и самой невдомек, отчего все это случилось. Натянувши на ноги шаровары по самые бедра, запахнувши телогрейку-распашенку, девка Двасталетка пошла к коню, села верхом и поскакала в девицье царство. Прискакала к своим, сама никому не говорит, что раздета в поле была и что крепко спала в ковыль-траве.

Ровно через девять месяцев родила девка Двасталетка мальчика. Все девицье царство этому диву дивилось: отчего у девки мальчик появился.

Поехала эта девка Двасталетка еще раз к реке Воробью и опять от усталости в ковыль-траву залегла. Опять же и мужик Тристалетник, реку Воробей вброд перешедши, к Двасталетке подошел. Только это он, шаровары с нее спустивши да телогрейку-распашенку раскрывши, к ней подкатился спать, как девка Двасталетка во сне его обхватила, а сама проснуться никак не может.

Заснул и мужик Тристалетник, а девка его держит руками обхвативши, как петля птицу, которая в силке запуталась.

Оба крепким сном спят.

Спали, спали, и оба сразу проснулись.

Глядят друг на друга, ничего не понимают и говорить не могут: в девицьем царстве девки своим языком говорили, а в мужицком царстве мужики своим языком говорили. Только девка Двасталетка из рук не выпускает мужика Тристалетника, и так они долежали без сна до заката солнца.

Пора домой. Девка Двасталетка знаками показывает мужику Тристалетнику, что она через шесть дней на седьмой опять сюда придет, и не одна, а их будет две девки и чтобы он сюда приходил не один, а двое.

Так и было на седьмой день. Рано на утренней заре прискакала девка Двасталетка с другой девкой, которой было четыреста лет. Пришел и мужик Тристалетник с другим мужиком, которому было тысяча лет. Двасталетка легла со своим мужиком Тристалетником в ковыль-траву отдыхать, а Четыресталетка с другим мужиком Тысячелетником в ковыль-траву легли.

Перед закатом солнца обе девки и оба мужика к своим царствам разъехались и разошлись.

Каждую неделю все больше и больше девок из девицьего царства к берегу реки Воробья приезжали, а из-за реки Воробья из мужицьего царства все больше мужиков приходило. Спали в ковыль-траве и потом в свои царства расходились и разъезжались.

Народилось за это время в девицьем царстве ребят — мальчиков и девочек премногое множество. Дети растут, и мальчики уже молодыми парнями становятся, сами начинают на девок озорно поглядывать и девками командовать.

Тогда все девки порешили: мальчиков-подростков, которые подрастать на парня начинали, в мужицкое царство отвозить, за реку Воробей, и всех, которые уже выросли — взрослые парни, туда же отвезти, чтобы не было в их царстве ни одного мужика. И опять в девицьем царстве воля девицья установилась, ни одного мужика к себе девки не пускали.

Вот решили мужики идти войной на девок, царство на царство, чтобы у себя в мужицких деревнях по избам девок набрать и чтобы денно и ночью у них, мужиков, девки в повиновении были.

Воевали девки и мужики год, воевали еще много лет, и кончилась война только через сто лет. За эти сто лет мужики половину девок в полон полонили, а без малого половину убили, и только один небольшой остаточек девок из своего девицьего царства на конях-скакунах в дальнюю страну усаkali, на высокие горы взобрались и там, никому неприступно, стали жить, пока доживши до тысячи лет, не вымерли все.